DOI: 10.30842/ielcp230690153059

В. П. Казанскене,
СПбГУ, Санкт-Петербург, Россия,
v.kazanskene@spbu.ru

М. Н. Казанская,
ИЛИ РАН / СПбГУ, Санкт-Петербург, Россия, m.kazanskaya@spbu.ru
maria.kazanskaya@gmail.com

ТОСТЫ НА ДРЕВНЕГРЕЧЕСКОМ ПИРУ: ЛИТЕРАТУРНЫЕ СВИДЕТЕЛЬСТВА О ΠΡΟΠΙΝΩ

Статья посвящена древнегреческому симпозиальному обычаю отпить из кубка в честь кого-то из присутствующих с благопожеланиями, а затем передать адресату, чтобы пил он (προπίνειν); этот обычай сопоставим, но не идентичен, современным тостам. Разбираются разновидности этого обычая в Древней Греции (индивидуальный тост, тост в рамках круговой чаши; тост, сопряженный с дарением). Отдельное внимание уделяется уникальному употреблению προπίνειν в начале *Седьмой олимпийской оды* Пиндара, где поэт сравнивает свою песнь в честь атлета Диагора с кубком, который хозяин дома поднимает в честь своего будущего зятя на пиру в честь помолвки, а затем, отпив сам, преподносит его, наполненным вином, в дар жениху. Авторы показывают, что данное сравнение у Пиндара отражает реальный обряд, при котором тост за здравие и дарение кубка скрепляли союз между двумя семьями. Типологически близкие параллели из литовского и русского фольклора позволяют установить, что тост в контексте помолвки, скрепляющий союз между двумя домами, представляет собой архаичный ритуал.

Ключевые слова: древнегреческий симпозиум, тост, круговая чаша, προπίνειν, φιλοτησίαν προπίνειν, Пиндар, помолвка, тост как ритуал.

Vanda P. Kazanskiene,
St. Petersburg State University, St. Petersburg, Russia,
v.kazanskene@spbu.ru

M. N. Kazanskaya,
Institute for Linguistic Studies RAS, St. Petersburg State University,
St.Petersburg, Russia, maria.kazanskaya@gmail.com

Toasting in Ancient Greek: Literary Testimonia on προπίνω

The article discusses the rite of drinking to a fellow symposiast with good wishes and then passing on the same cup to him (προπίνειν); this is comparable, though not identical, to modern toasts. Different variants of

this rite are examined (individual toast; toast in the context of the cup passed around among the symposiasts; toast with gift). Special attention is given to the unique usage of προπίνειν in the beginning of Pindar's *Olympian* 7, where the poet compares his song in honor of the athlete Diagoras with a golden cup raised by the host in honor of his future son-in-law and then given to him, full of wine, as a gift in the context of the betrothal ceremony: it is shown that this comparison reflects a real ritual wherein the toast and the subsequent gift of the cup reinforced the alliance between the two families. Typologically close parallels from Lithuanian and Russian folklore suggest that the rite of drinking to future in-laws in order to seal the alliance between two families was an archaic ritual.

Keywords: Symposium in Ancient Greece, toast, passing the chalice, προπίνειν, φιλοτησίαν προπίνειν, Pindar, betrothal, toast as ritual

Симпозиальная культура в древней Греции имела долгую историю: обычаи симпозиума с речами во время пиров, играми (такими как коттаб, κότταβος), музыкой и импровизацией стихов, воспевающих радость общения и любовь за пиршественной чашей вина, описывались и осмыслялись уже в античности (см. особенно античную «энциклопедию» по симпозиумам, *Дейпнософисты* Афинея). Среди симпозиальных обычаев, регулярно упоминаемых в греческих текстах, заслуживает внимания обычай поднять на пиру кубок в честь кого-то с благопожеланиями (по сути, близкий современным «произнести тост», «выпить за здоровье»). Этот обычай обозначался глаголом προπίνω (букв. «пить перед кем-то», а в рамках обряда, «пить в честь кого-то»[1]), ср. также выражение φιλοτησίαν προπίνειν, «пить в честь кого-то дружественный кубок»; в обсуждение также будет включено производное существительное πρόποσις «здравица, заздравный тост» (также с эпитетом, πρόποσις φιλοτησία). Неожиданным образом, жест не получил, на наш взгляд, достаточного внимания исследователей: так, несмотря на церемониальность движений, отличавших προπίνειν, Георг Зиттль не включил προπίνω в монографию, посвященную жестам древних греков и римлян (Sittl 1890); προπίνειν также не рассматривается в книге о симпозиумах в греческом полисе Полин

[1] "drink to another, i.e. to his health, pledge him" (*LSJ*: 1496, s.v. προπίνω II). Интересное дополнительное значение выделяет Фарнелл: „original meaning must have been (a) to hold a cup before a person's face to drink his health in; (b) to present to the guest the cup in which one had drunk his health, as here" (Farnell 1965: 50); однако контекстов употребления προπίνειν в первом значении нам обнаружить не удалось.

Шмитт Пантель[2]; подробный обзор использований дал в своей книге А. Реттер[3]. В данной статье, на основе литературных текстов, будут рассмотрены особенности и контексты обычая προπίνω и будет предложена классификация разных типов тостов (πρόποσις) на греческих пирах. Наконец, отдельное внимание будет уделено упоминанию πρόποσις в начале *Седьмой олимпийской оды* Пиндара.

Внутренняя форма термина προπίνειν указывает на базовую структуру симпозиального обычая: участник пира наполняет кубок, произнося благопожелания в честь адресата тоста, отпивает сам (как вариант, он может не отпивать) и далее передает кубок адресату, чтобы тот пил из него[4]. Приставка προ- здесь имеет значение и места («пить, стоя перед адресатом»), и времени («пить вперёд адресата»)[5]. Греческие источники неоднократно упоминают, что πρόποσις сопровождался приветствием правой рукой или прикосновением ею (δεξιόομαι, «дать правую руку», «взять правой рукой»[6]) к адресату тоста (или же к следующему по очереди симпозиасту в случае коллективной круговой чаши — см. ниже). Этот жест сопровождался обращением по имени, комплиментами и благопожеланиями, а также просьбой принять тост, δέχου. В том случае, если πρόποσις происходил в компании равных, могло ожидаться, что адресат тоста в свою очередь отзовется на комплимент аналогичным тостом в честь следующего участника: в конечном своем выражении такая череда тостов оформлялась в виде круговой чаши (альтернативное название — φιλοτησία κύλιξ, ср. ниже).

Примечательно, что обычай πρόποσις был известен с самых ранних литературных памятников, причем в обеих разновиднос-

[2] См. Schmitt Pantel (1992); Schmitt Pantel, Lissarague (2004).

[3] См. Retter (2002: 103–134), ср. рецензию на книгу Gerber (2003: 9); к сожалению, нам не удалось ознакомиться с книгой Реттера.

[4] Афиней так определял значение глагола: κυρίως γάρ ἐστι τοῦτο προπίνειν, τὸ ἑτέρῳ πρὸ ἑαυτοῦ δοῦναι πιεῖν, «ведь это собственно и есть προπίνειν, дать другому <кубок>, чтобы он выпил вперед дающего» (Athen. 11, 498c); однако в большом числе контекстов несомненно совершающий πρόποσις отпивает и сам.

[5] Ср. определение О. Д. Никитинского при обсуждении заимствованного в латинский язык propino: “respicitur mos convivarum, qui prius bibunt, deinde poculum aliis offerunt (notio prius bibendi elucet e contextu e. g. l. 63. 68, sed hic illic evanida videtur, e. g. l. 67 […] notio dandi, tradendi sim. invenitur passim praeter II B)” (Nikitinski 1995–2009: col. 2010).

[6] “greet with the right hand, welcome” (LSJ: 379 s.v. δεξιόομαι I).

тях: как индивидуальное проявление благорасположенности к адресату тоста, и в рамках группы. Так, Афиней в *Дейпнософистах* приводит в качестве примера πρόποσις пир олимпийских богов у Гомера (*Il.* 4, 3–4):

> ἦν δέ τις αὐτοῖς καὶ διὰ τῆς προπόσεως ἀσπασμός· οἱ γοῦν θεοὶ ‘χρυσέοις δεπάεσσι δειδέχατ’ ἀλλήλους’, ἤτοι ἐδεξιοῦντο προπίνοντες ἑαυτοῖς ταῖς δεξιαῖς, «Здравница сопровождалась приветствием в виде рукопожатия. Так, боги ‘пили из чаш золотых и друг другу приветствия слали’, то есть приветствовали друг друга правой рукой и поднимали друг за друга тосты правой рукой» (Athen. 1, 13f).

Примечательно, что термин προπίνειν в процитированном Афинеем пассаже из Гомера еще не используется (вместо него использована форма δειδέχατο[7]), но Афиней идентифицирует происходящее именно как πρόποσις, ориентируясь на контекст и жесты богов. Аналогично, согласно Афинею, следует понимать и происходящее в сцене посольства к Ахиллу[8]:

> καί τις δὲ ‘δείδεκτ’ Ἀχιλλέα’ ἀντὶ τοῦ ἐδεξιοῦτο, ὅ ἐστι προέπινεν αὐτῷ τῇ δεξιᾷ διδοὺς τὸ ποτήριον, «И кто-то (у Гомера это Одиссей — В.К., М.К.) ‘Пелида приветствовал’ вместо ‘дал ему правую руку’, то есть, он выпил за его здоровье, держа чашу в правой руке» (Athen. 1, 14a).

---

[7] Проблематичная форма δειδέχατο и глагол δειδίσκομαι (который в значении «приветствовать» встречается только у Гомера) привлекли внимание многих исследователей: см. Tichy (1976), которая принимает старую этимологию, возводящую формы к PIE *dek- «принимать»; Forssman (1978), который в своей интерпретации присоединялся к предшественникам, связывавшим их с PIE *deiḱ- «показывать»; Schwyzer (1939: 648 и 697) связывает его с санскр. dāśnóti «оказывать почтение»; Дмитриева (2016: 233), которая предположила связь с русским *двигать* и далее с PIE *duo̯ «два»; А. Вилли анализирует δειδέχατο, δείδεκτο как презенс с полной редупликацией корня на базе PIE *deḱ- (Willi 2018: 163–164, с обширным обзором литературы). Какой бы ни была этимология, употребление δειδέχατο, δείδεκτο и δειδίσκομαι у Гомера показывает, что так обозначалось приветствие словом или жестом (прикосновением правой руки, поднятием кубка правой рукой).

[8] Ср. у Гомера: νεῦσ’ Αἴας Φοίνικι· νόησε δὲ δῖος Ὀδυσσεύς, / πλησάμενος δ’ οἴνοιο δέπας δείδεκτ’ Ἀχιλῆα… «Аякс кивнул Фениксу: Одиссей же сообразил, и наполнив вином кубок приветствовал Ахилла» (*Il.* 9, 223–224).

Во втором случае, известен точный адресат тоста (Ахилл), и Одиссей использует πρόποσις в рамках стратегии убеждения Ахилла. В первом случае, боги поочередно по своей инициативе и симпатии предлагают тосты нектаром в честь других присутствующих богов, что подчеркивает лишенную напряжения дружественную атмосферу, царящую на Олимпе в тот момент. Сцена сопоставима с разновидностью πρόποσις на классическом пиру в рамках круговой чаши, когда кубок передается от одного симпозиаста другому, и каждый отпивает из него, причем для Аттики специфически оговаривается, что следует назвать следующего пьющего по имени[9], и что чаша типично передается направо (ср. упоминавшийся выше жест δεξιόω «коснуться правой рукой»):

> ἐξονομακλήδην ὧι προπιεῖν ἐθέλει…, «тосты протягивать на правую руку, и называть по имени того, за чье здоровье хочет пить» (Crit. fr. 6, 4–5 West).

В таком варианте πρόποσις симпозиасты оказываются «уравнены» в дружественном отношении друг к другу, т. е. тост отражает не столько личное расположение произносящего тост к адресату, сколько дружеские связи в группе в целом, и в каждом конкретном тосте адресат тоста обусловлен расположением симпозиастов друг относительно друга в пиршественной зале[10]. Некоторые свидетельства позволяют заключить, что начинателем круговой чаши (πρόποσις) мог выступать хозяин пира или тот, кто выделялся своим авторитетом на фоне остальных

[9] Ср. Graeci enim in conviviis solent nominare cui poculum tradituri sunt, «ведь греки на пиру обычно называют по имени того, кому собираются передать кубок» (Cic. *Tusc*. 1, 40, поясняя фразу Propino hoc pulchro Critiae, см. ниже).

[10] Об уравнивающем характере круговой чаши на греческом пиру пишет Санторелли, противопоставляя ее нежеланию богатых людей на римских пирах прикасаться к кубку, из которого уже пили другие симпозиасты: “anche a questo riguardo le leggi saturnali di Luciano intendono stabilire una certa forma di parità tra i convitati, mettendo tutti in condizione di bere dopo il ricco; nella satira 5, al contrario, non solo Virrone rifiuterà di brindare alla salute dei clienti, sdegnandosi di toccare con le proprie labbra un boccale già toccato da quelle di un convitato, ma alla sua tavola sarà considerato gesto eversivamente temerario quello di rivolgersi a lui con tanta libertà” (Santorelli 2013).

симпозиастов[11]. Образец тоста при круговой чаше сохранился в одном из фрагментов Дионисия Халка (афинский поэт V в. до н.э.), дошедшем в виде цитаты у Афинея:

δέχου τήνδε προπινομένην
τὴν ἀπ’ ἐμοῦ ποίησιν. ἐγὼ δ’ ἐπιδέξια πέμπω
σοὶ πρώτῳ Χαρίτων ἐγκεράσας χάριτας.
καὶ σὺ λαβὼν τόδε δῶρον ἀοιδὰς ἀντιπρόπιθι,
συμπόσιον κοσμῶν καὶ τὸ σὸν εὖ θέμενος, «прими это стихотворение, которое я возношу в твою честь: я ведь посылаю его направо тебе первому, примешав в него грацию Харит. И ты, приняв этот дар песни, в свою очередь вознеси тост, украшая симпозий и правильно представляя себя (букв. своё)» (Dionys. Chalc. fr. 1, 1–5 West = Athen. 15, 669 e).

Несмотря на метафоричность данного пассажа (ведь Дионисий говорит не о настоящей чаше вина, вместо напитка выступает поэзия, τήνδε προπινομένην… ἀπ’ ἐμοῦ ποίησιν), в нем в деталях воспроизводится этикет πρόποσις, и даже показывается, как должен действовать дальше симпозиаст, в честь которого только что прозвучал тост (ἀντιπρόπιθι «произнеси ответный тост»)[12].

---

[11] Ср. у Лукиана: πάντες πᾶσι προπινέτωσαν, ἢν ἐθέλωσι, προπιόντος τοῦ πλουσίου, «Пусть все в честь друг друга участвуют в круговой чаше, если захотят, но первым пусть произносит тост богатый» (Luc. *Sat.* 18); ср. также лемму из словаря Суды, которая будет приведена ниже (Suda σ 2564). Особняком стоит рассказ Плутарха об обряде пиршественного πρόποσις в честь павших в битве при Платеях, который совершался во время ежегодного поминовения еще в его время: после того, как все приготовлено для пира, παρακαλεῖ τοὺς ἀγαθοὺς ἄνδρας τοὺς ὑπὲρ τῆς Ἑλλάδος ἀποθανόντας ἐπὶ τὸ δεῖπνον καὶ τὴν αἱμακουρίαν. ἔπειτα κρατῆρα κεράσας οἴνου καὶ χεάμενος ἐπιλέγει· ‘προπίνω τοῖς ἀνδράσι τοῖς ὑπὲρ τῆς ἐλευθερίας τῶν Ἑλλήνων ἀποθανοῦσι’, «[архонт] зовет добрых мужей, что умерли за Элладу, на пир и на приношения кровью. Затем, смешав кратер вина, и пролив его, произносит: «Пью (и тем передаю вино – *В.К., М.К.*) мужам, которые умерли за свободу эллинов».

[12] См. Miralles (1971: 15), который обращает внимание на то, что образ поэзии как вина встречается у Дионисия Халка дважды (при том, что от него, благодаря Афинею, сохранилось всего шесть кратких стихотворных фрагментов, см. West 1998: 58–60): помимо данного пассажа, ὕμνους οἰνοχοεῖν ἐπιδέξια σοί τε καὶ ἡμῖν, «наливать, передавая направо, гимны тебе и нам» (Dion. Chalc. fr. 4, 1 West; следует

Основным в обычае προπίνειν является дружеская составляющая: неслучайно, что наряду с προπίνω вырабатывается устойчивое выражение φιλοτησίαν προπίνειν, где φιλοτησία стоит вместо φιλοτησία κύλιξ «кубок дружбы»[13]). Именно так поясняли выражение античные лексикографы, ср. пояснение в лексиконе *Etymologicum Magnum*:

> Φιλοτησία: Φιλία, δεξίωσις διὰ τῆς φιάλης· ἡ κύλιξ, ἣν κατὰ φιλίαν προὔπινον τοῖς φίλοις, οὕτως ἐκαλεῖτο· καὶ φιλοτησίαν προπίνειν ἐστὶν, ἡνίκα τις ἐν ἀρίστῳ ἀπὸ τῆς δοθείσης αὐτῷ φιάλης πιὼν μέρος τὸ λοιπὸν παράσχῃ φίλῳ, χαρισάμενος αὐτῷ καὶ τὴν φιάλην, «Φιλοτησία — это дружба, прикосновение правой рукой через чашу: так назывался кубок, который пили как тост в честь друзей, и выражение φιλοτησίαν προπίνειν — это когда кто-то во время трапезы, отпив немного от переданной ему чаши, остаток передает другу, преподнося ему и эту чашу» (Et. Magn., p. 794 Kallierges).

Рассказ со схожими чертами, но с отсылкой к древним царям, приводится в словаре Суды:

> Προπίνειν: οἱ ἀρχαῖοι βασιλεῖς ἐπιτελοῦντες ἑορτὴν πάνδημον, ἐν φιάλαις χρυσαῖς ἢ ἀργυραῖς κιρνῶντες ἐδέχοντο μὲν παρὰ τοῦ οἰνοχόου αὐτοί, ἀπέπινον δὲ μικρὸν τῆς κύλικος, ὡς συμβόλου ὄντος τούτου φιλίας πολλῆς, καὶ τότε παρεῖχον ᾧ ἂν ἐβούλοντο καὶ τὴν κύλικα· καὶ ἐκαλεῖτο προπίνειν, «древние цари, совершая всенародное празднество, в золотых или серебряных чашах смешивая вино принимали сами у виночерпия, немного отпивали из кубка, выступавшего залогом (символом) большой дружбы, и затем протягивали тому, кому хотели, и сам кубок; и это называлось произнести тост (προπίνειν)» (Suda σ 2564)

отметить, что фрагменты 1 и 4, судя по пересказу Афинея, относились к одной поэме). О метафоре «поэзия как вино», которая также будет важна при рассмотрении προπίνω в Pind. *Ol*. 7, 4, см. Cazzato, Prodi (2016: 15–16).

[13] См. LSJ: 1941, s.v. φιλοτήσιος II; а также описание обычая в комментарии Патрика Гранхольма к *Письмам гетер* Алкифрона: “Alciphron is describing the practice of drinking the ‘cup of friendship’ or friendship toast (ἡ φιλοτησία κύλιξ). In Attic symposia a cup or bowl was passed around from guest to guest from left to right with each guest drinking to the health of the next person and then passing on the cup” (Granholm 2012: 177 *ad* 4, 13, 11).

Усиленным выражением теплых чувств к адресату тоста служил такой вариант πρόποσις, при котором произнесший дарил адресату кубок как дополнительное подтверждение и залог дружеских чувств, иногда еще с дополнительными дарами. Сохранилось несколько контекстов в литературе классического периода, в которых προπίνω соседствует с δωρέομαι «дарить», например:

> Τιμασίων προπίνων ἐδωρήσατο φιάλην τε ἀργυρᾶν καὶ τάπιδα ἀξίαν δέκα μνῶν… «Тимасион выпил за здоровье [Севфа] и подарил ему серебренную чашу и ковёр ценой в 10 мин» (Xen. Anab. 7, 2, 27).

> καὶ ἐπεὶ ἐδεδειπνήκεσαν, τὰ ἐκπώματα αὐτῷ ἃ ἔλαβε παρὰ Κύρου ἐμπιμπλὰς προύπινε καὶ ἐδωρεῖτο, «и когда они отужинали, наполнив тот кубок, который получил от Кира, он произнес ему тост (προύπινε) и подарил ее» (Xen. Cyr. 8, 3, 35).

Исходно, даром, обусловленным самим контекстом тоста (πρόποσις), был собственно кубок; в исключительных контекстах, однако, могло дариться и что-то иное. Например, Ксенофонт рассказывает о дарении коня (следует отметить, что дарителем выступает не грек):

> εἰσῆλθεν ἀνὴρ Θρᾷξ ἵππον ἔχων λευκόν, καὶ λαβὼν κέρας μεστὸν εἶπε· Προπίνω σοι, ὦ Σεύθη, καὶ τὸν ἵππον τοῦτον δωροῦμαι, «вошел фракиец, ведя белого коня, и взяв полный рог (т. е. сосуд в виде рога — В.К., М.К.), сказал: ‘Пью за твое здоровье, Севф, и дарю тебе этого коня’»
>
> (Xen. Anab. 7, 2, 26).

Типичную симпозиальную шутку на основании этого значения προπίνω использовал Анакреонт во фрагменте, который сохранился в схолиях к *Седьмой олимпийской оде* Пиндара: ἀλλὰ πρόπινε / βραδινούς, ὦ φίλε, μηρούς, «но преподноси свои стройные бедра, о друг» (Anacr. fr. 407 PMG = schol. in Pind. *Ol.* 7, 5a Drachmann)[14]. Примечательно, что вариант πρόποσις, сопряженный с дарением, был достаточно распространен, чтобы у глагола προπίνειν выработалось устойчивое переносное значение «дарить, преподносить» уже вне контекста симпозиума

[14] Краткое обсуждение схолия и использования этой цитаты из Анакреонта, см. в статье Henderson (1998: 23).

(иногда с ироничной интонацией, намекающей на пьяное дарение чего-то ценного [15]). Особенно известен контекст из Демосфена:

> … τὴν ἐλευθερίαν προπεπωκότες πρότερον μὲν Φιλίππῳ, νῦν δ' Ἀλεξάνδρῳ, τῇ γαστρὶ μετροῦντες καὶ τοῖς αἰσχίστοις τὴν εὐδαιμονίαν… «подарившие (словно в рамках дружеского тоста) свою свободу сначала Филиппу, а теперь и Александру, измеряющие брюхом (т. е. наполненностью брюха – В.К., М.К.) и самыми срамными вещами свое счастье…» (Dem. De cor. 296).

Известно, что обычай произнесения тостов (προπίνειν) практиковался не повсеместно в Греции — так, Критий в элегии описывает спартанский пир, подчеркивая об отсутствии полного аналога πρόποσις у лаконцев:

> καὶ τόδ' ἔθος Σπάρτῃ μελέτημά τε κείμενόν ἐστι·
> πίνειν τὴν αὐτὴν οἰνοφόρον κύλικα,
> μηδ' ἀποδωρεῖσθαι προπόσεις ὀνομαστὶ λέγοντα,
> μηδ' ἐπὶ δεξιτερὰν χεῖρα κύκλῳ θιάσου, «и есть в Спарте следующий обычай, и привычная забота: пить из одного и того же виноносного килика, но не дарить в ответ тосты, называя по имени, ни <передавать его> по правую руку, по кругу фиаса» (Crit. fr. 4 West).

Судя по данному фрагменту Крития, обычай передавать чашу при застолье у спартанцев существовал: но, в отличие от афинских προπόσεις, он не сопровождался комплиментарными тостами в честь других участников, и движение чаши не было строго регламентировано направо — скорее всего, имеется в виду передача в свободном порядке.

Начиная с классического периода, греки также искали аналоги πρόποσις у других культур, и здесь показателен пассаж из Ксенофонта об аналоге круговой чаши в Армении как варварском «перевертыше» высококультурного и церемониального афинского πρόποσις:

> ὁπότε δέ τις φιλοφρονούμενός τῳ βούλοιτο προπιεῖν, εἶλκεν ἐπὶ τὸν κρατῆρα, ἔνθεν ἐπικύψαντα ἔδει ῥοφοῦντα πίνειν ὥσπερ βοῦν «и всякий раз, как кто-нибудь, из благорасположенности к тому, за кого хотел выпить, тащил

[15] См. LSJ (1496, s.v. προπίνω II, 3); Farnell (1965: 50).

> его к кратеру, приходилось оттуда пить, нагнувшись, с шумом сёрбая, подобно быку» (Xen. Anab. 4, 5, 32).

Вместо того, чтобы запустить чашу по кругу между участниками пира, как это происходило на греческих пирах, совершающий πρόποσις подводит адресата своего тоста к огромному сосуду с пивом[16], из которого нужно пить через трубочки; ситуация переворачивает греческий симпозиальный этикет, и кажется не случайным, что Ксенофонт делает акцент на звукоподобных звуках, сопровождающих питье через трубочку (ῥοφοῦντα... ὥσπερ βοῦν). В еще одном случае, когда Ксенофонт обнаруживает аналог греческому πρόποσις в пиршественных практиках варваров, уточнение про негреческий характер относится, насколько можно судить, к сосудам, из которых пьют — а в том, что касается обряда, использование προπίνω призвано указать на круговую чашу: ἐπειδὴ δ’ ἔνδον ἦσαν, ἠσπάζοντο μὲν πρῶτον ἀλλήλους καὶ κατὰ τὸν Θρᾴκιον νόμον κέρατα οἴνου προύπινον, «когда же они оказались внутри, они сначала стали приветствовать друг друга и пить, по фракийскому обычаю, по кругу вино из рогов» (*Anab*. 7, 2, 23).

Характерно, что как типично греческую пиршественную практику воспринимали πρόποσις римляне[17], заимствовавшие

---

[16] Ксенофонт вместо стандартного слова для пива βρῦτος (или βρῦτον) называет напиток «ячменным вином» (κρίθινος οἶνος, *Anab*. 4, 5, 26–27; аналогичная перифраза встречается у Геродота, οἶνος ἐκ κριθέων, Hdt. 2, 77, 4). Джессика Ромни отмечает, что во всем этом пассаже Ксенофонт специально вводит в описание потребления пива термины, отсылающие к греческим симпозиальным практикам: “[Xenophon] also appears to take pains to make beer consumption intelligible in Greek terms: the formulation ‘wine (made) from X’ is used, equating the foreign beverage to a familiar one; the beer jugs are made equivalent to Greek mixing bowls for wine; and the beer is *akratos*, ‘strong’ but also ‘unmixed’, requiring drinkers to ‘pour in’ water, mixing barley wine with water in much the same way wine is mixed with water. The beer krater is communal, leaving the straws as the only item without a sympotic parallel” (Romney 2025: 93). Последняя фраза требует уточнения: Ромни пропускает симпозиальные ассоциации προπιεῖν, а между тем использование именно этого глагола подчеркивает аналогию между симпозиальной круговой чашей и общим пивным сосудом.

[17] Полный список употреблений propino в латинских текстах, см. Nikitinski (1995–2009). Кроме того, в латинском использовалась транслитерированная греческая форма инфинитива будущего времени

греческий глагол в латинский язык, даже не пытаясь калькировать его на основе латинского глагола bibere «пить»: propīnō образует парадигму по первому спряжению (Leumann 1977: 552); его приставка испытывает флуктуации относительно долготы гласного, так что глагол предстает иногда как prōpīnō (с латинизированной приставкой), но чаще как propīnō (сохраняя греческую приставку)[18]. Так, у Плавта: propino tibi salutem plenis faucibus, «полной чашей пью твое здоровье» (*Stich.* 470); propino magnum poclum, «пью за тебя большую чашу» (*Curc.* 362). С несомненными греческими ассоциациями глагол использован у Цицерона: propino hoc pulchro Critiae, «поднимаю эту чашу за прекрасного Крития» (Cic. *Tusc*. 1, 40, 96). Со временем появилась и типично римская шутка о потенциальной негигиеничности передаваемого кубка при обряде πρόποσις. Например, в эпиграмме-двустишии у Марциала:

> quod nulli calicem tuum propines,
> humane facis, Horme, non superbe, «То, что ты, Горм, не
> поднимаешь ни за кого свой кубок, — так это ты поступаешь
> человечно, а не надменно» (Mart. 2, 15, 1).

Шутка рождается на стыке симпозиального этикета и гигиенических норм: Горм, очевидно, отличается проблемами с дыханием или гигиеной рта[19]; то, что он не передает далее кубок в рамках πρόποσις, что могло бы быть воспринято как надменность, Марциал предпочитает интерпретировать как заботу о сотрапезниках.

προπιεῖν (в проспективной функции), propīn (ср. Leumann 1977: 120): например, в *Сатириконе* Петрония Тримальхион, видя, как при ссоре рабов пролилось дорогое фалернское вино, восклицает, что это тост (propīn) в его честь (Petr. 28, 3; ср. рассказ Плутарха о πρόποσις погибшим при Платеях – см. сн. 8).

[18] Подробнее см. Leumann (1977: 560); ср. Nikitinski (1995–2009: 2010) с дополнительными замечаниями о возвращении к греческой форме propīnō.

[19] Впрочем, предлагалась и менее приличная интерпретация: см. комментарий к этой эпиграмме Уильямса, который видит за нежеланием симпозиастов пить после Горма отвращение к его оральным любовным практикам (Williams 2004: 76). Шутки относительно гигиены в контексте πρόποσις встречаются еще в Mart. 12, 91; Iuv. 5, 125–127; ср. также выше (сн. 9).

Одно из наиболее интересных упоминаний об обряде πρόποσις в древнегреческой литературе, и, как нам представляется, отражающее одно из наиболее архаических контекстов обряда πρόποσις, встречается в развернутом сравнении, открывающем *Седьмую олимпийскую оду* Пиндара:

> Φιάλαν ὡς εἴ τις ἀφνειᾶς ἀπὸ χειρὸς ἑλών
> ἔνδον ἀμπέλου καχλάζοισαν δρόσῳ
> δωρήσεται
> νεανίᾳ γαμβρῷ προπίνων
> οἴκοθεν οἴκαδε, πάγχρυσον, κορυφὰν κτεάνων,
> συμποσίου τε χάριν κὰ-
> δός τε τιμάσαις <ν>έον, ἐν δὲ φίλων
> παρεόντων θῆκέ νιν ζαλωτὸν ὁμόφρονος εὐνᾶς… «Как если кто, взяв чашу, внутри бурлящую виноградной росой, подарит своему юному зятю, подняв кубок в его честь, от дома дому, эту всезолотую чашу, главное из сокровищ, ради пира, тем самым почтив новое родство, и тем делает того (т. е. зятя — В.К., М.К.), в присутствии друзей, достойным зависти из-за брака, исполненного согласия…» (Pind. Ol. 7, 1–6).

Открывая эпиникий в честь знаменитого кулачного бойца Диагора родосского[20], Пиндар сравнивает свою песнь с торжественным тостом в рамках церемонии помолвки. Пассаж метафоричен, но образ был подсказан Пиндару реальностью: Павсаний сообщает о том, что Диагор отдал свою дочь Каллипатейру за Каллианакта, и от этого брака родился Евкл, также одержавший победу в Олимпии (Paus. 6, 6, 2; 6, 7, 2), и, как показал Жан Пуйю, Каллианакт, которого Пиндар упоминает в

[20] Диагор Родосский известен тем, что за свою спортивную карьеру одержал победу на всех четырех панэллинских играх; кроме того, его сыновья стали олимпиониками, а также два внука, что превратило его образец человеческого счастья (ср. Cic. *Tusc*. 1, 46, 111; Plut. *Pel*. 34; Gell. *Noct. Att.* 3, 15, 3, etc.; особенно о двойном характере славы Диагора, как атлета-победителя и как отца атлетов-победителей см. Nicholson 2018). Диагор одержал победу на Олимпийских играх 464 г. до н.э., и этой датой было бы естественно датировать *Седьмую олимпийскую оду*; впрочем, высказывалось предположение, что песнь была написана позже 464 г. и чествовала совокупность спортивных достижений Диагора (см. Currie 2011: 287 n. 75).

Ol. 7, 93 должен быть тем самым женихом[21], т. е. образ отца, совершающего πρόποσις в честь жениха в начале стихотворения должен отражать этот зарождающийся союз. Сложнее обстоит дело с определением типа церемонии: ранние комментаторы считали, что пиндаровское сравнение могло относиться к свадебному пиру[22]. Однако, как показал Брюс Брасуэлл, речь идет именно о церемонии помолвки (ἐγγύησις)[23]. Фрэнсис Кэрнс, соглашаясь с Брасуэллом, добавляет важное замечание, что в Древней Греции между помолвкой и свадьбой могло проходить значительное время, даже несколько лет (например, в ожидании, что невеста подрастет, если ее сосватали, пока она была еще ребенком), и что в случае помолвки Каллианакта и дочери Диагора вероятен именно такой расклад[24]. Следует

[21] См. Pouilloux (1970); идентификацию Каллианакта с женихом Каллипатейры принимают Braswell (1976), Cairns (2005: 66–68). Бруно Кёрри высказал предположение, что Каллианакт мог принадлежать к семье Эратидов, к которой принадлежал и Диагор (что объяснило бы выражение κοινὸν σπέρμα, *Ol*. 7, 92–93); в таком случае, Пиндар «закольцевал» метафору дарения – ведь песнь, заказанная Эратидами в дар Диагору, сравнивается с пенящимся золотым кубком, который Диагор преподносит своему будущему зятю из той же семьи (Currie 2011: 284); с одобрением об этой реконструкции контекста отзывалась Л. Атанассаки (2016: 94).

[22] Аккуратен в своем комментарии Гильдерслив, который выбрал осторожное слово espousal (и «помолвка», и «свадьба»): “The father of the bride pledged the bridegroom in a beaker of wine and then presented him with the beaker, evidently a formula of espousal” (Gildersleeve 1890: 184).

[23] Braswell (1976: 240–242); идентификация церемонии, описанной в пиндаровском сравнении, как помолвки (ἐγγύησις) принимается Rubin (1980: 251), Cairns (2005). О церемонии ἐγγύησις, см. Erdmann (1979: 225–249), Flacelière (2002: 60–61). К сожалению, в некоторых недавних работах все еще встречается идея о том, что в Седьмой олимпийской оде описывается свадьба Каллианакта и Каллипатейры, а не их помолвка: cf. “impressive opening simile in *Olympian* 7, where a father-in-law’s toast in wine to the bridegroom at a wedding is likened to the nectar of song…” (Athanassaki 2016: 93; аналогично в ее диссертации, Athanassaki 1990: 110); Nicholson (2018: 44 и 46).

[24] Кэйрнс отвечал на хронологический аргумент, что, если внук Диагора Евкл был бы возрастным атлетом в момент своей победы в Олимпии (дата ее, впрочем, не установлена): “The chronological argument that Kallianax could not be Diagoras’ future son-in-law because that would make Kallipateira’s son (Eucles) ‘well past 40’ when he won his

добавить, что из-за использования неопределенного местоимения в ст. 1 (ὡς εἴ τις), обсуждалось, кто именно из участников пира произносит тост: ряд ученых считал, что τις означает какого-то гостя пира или даже божественного покровителя, который произносит тост в честь жениха и дарит ему золотой кубок[25]; однако подавляющее большинство исследователей, несомненно, правильно, принимает идентификацию τις с отцом невесты[26].

Итак, несмотря на метафоричность пассажа и сложный язык Пиндара, в начальных строках *Седьмой олимпийской оды* описывается πρόποσις в рамках церемонии обручения: хозяин дома, скрепляя союз между семьями, пьет здравницу будущему зятю (προπίνει) и преподносит ему драгоценный золотой кубок (Pind. *Ol*. 7, 4), бурлящий вином (ἔνδον ἀμπέλου καχλάζοισαν δρόσῳ, ст. 2), из которого пил сам и теперь должен отпить жених. Пиндар специально подчеркивает, что жест скрепляет союз между двумя домами (οἴκοθεν οἴκαδε) как знак и залог φιλία[27].

Изменения в культурном восприятии πρόποσις в начале *Седьмой олимпийской оды* заметны в том, как интегрирует данную цитату в текст *Дейпнософистов* Афиней: полностью обойти ее он не мог (пассаж был слишком известен), однако и включить в число рядовых πρόποσις, видимо, тоже не получалось. Афиней включает ее в виде виньетки или как

Olympic boxing victory is valueless: apart from the commonsense reflections, e.g. that Eukles could have been born 15–20 years after the betrothal and that ancient coxing relied more on strength than agility, there is also the fact thatin antiquity a betrothal could take years before the marriage. Thus Kallipateira may have been a child in 464 BC, and may not have married for up to ten years" (Cairns 2005: 67–68).

[25] См. Hartung (1855: 246), Bowra (1964: 25); Kurke (1991: 118–120); Retter (2002), судя по рецензии Gerber (2003: 9).

[26] Подробную аргументацию см. у Young (1968: 69–73); см. также Gildersleeve (1890: 184), Willcock (1995: 114), Verdenius (1987: 42), Cairns (2005: 67 сн. 16), и др.; М. Л. Гаспаров прямо ввел отца невесты в текст своего перевода оды: «как чашу… из щедрых рук приемлет отец…», см. Гаспаров (1980: 31).

[27] Ср. формулировку в комментарии Гильдерслива к этому выражению: "From home to home and so binding home to home" (Gildersleeve 1890: 185); аналогично важность выражения отмечается в комментариях Verdenius (1987: 41), Willcock (1995: 114).

интермеццо между репликами мудрецов. Прервав свой длинный рассказ (Athen. 11, 461e–11, 503f), симпозиаст Плутарх просит фиалу, совершает возлияние Музам и их матери Мнемозине, а затем обращается с πρόποσις ко всем присутствующим, цитируя начало *Седьмой Олимпийской оды*:

> ἐπειπὼν <δέ> ·
> φιάλαν ὡς εἴ τις ἀφνεᾶς ἀπὸ χειρὸς ἑλὼν
> ἔνδον ἀμπέλου καχλάζοισαν <δρόσῳ>
> δωρήσεται,
> οὐ μόνον ‘νεανίᾳ γαμβρῷ προπίνων’, ἀλλὰ καὶ πᾶσι τοῖς φιλτάτοις ἔδωκε τῷ παιδὶ περισοβεῖν κελεύσας, τὸ κύκλῳ πίνειν τοῦτ’ εἶναι λέγων… «И добавив: ‘Как если кто, взяв чашу, внутри бурлящую виноградной росой, подарит…’, не только ‘в честь юноши-жениха поднимая кубок’, но и в честь всех ближайших друзей, передал его рабу, приказав мигом обнести <симпозиастов>, говоря, что это и означает пить по кругу» (Athenaeus 11, 503f).

Мы видим, что Афиней (словами и действиями своего персонажа) намеренно видоизменяет ритуальный тост будущего тестя в честь жениха, произнесенный во время помолвки, сближая его наоборот с типичным для классического симпозиума дружественным круговым кубком (κύλιξ φιλοτησία): переделка может объясняться тем, что ко времени Афинея обычай ритуального вознесения тоста на помолвке пришел в упадок, или же практиковался не во всех частях Греции. На деле же, ритуал, описанный у Пиндара, намного более архаичен, чем πρόποσις на обычном пиру классического периода. Примечательно, что этот обряд церемонии находит близкую параллель как минимум в еще одной индоевропейской традиции, а именно, в обряде литовского сватовства.

Для обычных тостов в честь кого-то в литовских фольклорных контекстах используется бесприставочный глагол gérti, причем с указанием направления «пью в направлении кого, т. е. за кого». Так, уже в первом литовском словаре *Dictionarium trium linguarum in usum studiosae iuventutis* К. Сирвидаса (K. Sirvydas, в польском написании K. Szyrwid) 1620 г. приводится выражение с архаичной формой аллатива geriu kitop «пью в направлении другого», т. е. «пью за здоровье, приветствуя другого». Схожее употребление (но менее архаичное, с заменой аллатива конструкцией į с аккузативом) обнаруживается в начале одной из песен сборника Юшки:

Gerki, dukrele, baltoji gulbele, į mylimą svetužėlį «Пей, доченька, белая лебёдушка, в честь милого гостя» (Juška, Juška 1955: 2, 166, № 940).

Приставочный же глагол užgérti чаще употребляется в контексте обрядов сватовства и свадьбы, причем приставка už- (во многом соответствующая семантике русской приставки *за-*) акцентирует внимание на том, что тост закрепляет союз между семьями, договор о браке. Ритуалы Малой Литвы, ведущие к помолвке, включали в себя следующие этапы: запрос о готовности принять сватов (atklausai), знакомство (pažintuvės), торги о приданом (pasogos derybos), смотрины (peržvalgos), торг между обеими семьями (suderėtuvės), объявление в церкви о намерении заключить брак (užsakai), собственно помолвка (sužadėtuvės). На тех же территориях обряд помолвки, помимо стандартного термина sužadėtuvės (помолвка), назывался также užgertuvės или sugertuvės (запивание), а также rankpadotuvės (подавание руки), и А. Вишняускайте со ссылкой на Бецценбергера отмечает, что каждое из этих названий подчеркивало один из аспектов церемонии помолвки[28]. Аналогично, в документах, касающихся литовцев восточной Пруссии XVI в. термины «запитие» и «венчание» (uszgertuwesa ir wentczawanisties) упоминаются вместе[29]. Важно подчеркнуть, что этот обряд «запития» (užgertuvės) как со стороны семьи невесты, так и со стороны жениха представлял собой один из ключевых моментов церемонии, скреплявший договор между двумя семьями.

Из литовских песен и иных фольклорных контекстов можно привести следующие примеры. В контексте сватовства: Ùžger manė, ùžger manė jaunąją mergelę, «запивают меня, запивают, молодую деву» (Juška, Juška 1955: 2, 238, № 1040); Alutį gėrė, mane užgėrė «пивушко пили, меня запили» (Juška, Juška 1955: 2, 52, № 799). Или, например, о свате: piršlys ažugeria namiškius, «сват запивает <по очереди> родню невесты» (записи из села

[28] См. раздел А. Вишняускайте о литовских свадьбах в Vyšniauskaitė, Kalnius, Paukšytė-Šaknienė (2008: 304); см. также Bezzenberger (1882: 162).

[29] См. Jonynas (1984: 80); примечательно, что контекст употребления касается неправильных с точки зрения Церкви брачных обрядов с языческими элементами, которые практиковались в регионе.

Анталиепте [Antalieptė], Зарасайский район)[30]. Тот же глагол может использоваться уже и в контексте свадебного обряда: Jaunasis užgėrė jaunosios tėvą, motyną ir giminę, «жених запил отца, мать и родню своей невесты» (в повести «Юзе из Паланги» М. Валанчюса, 1869 г.); Uošvis užsikėlė ir mane užgėrė, «встал тесть и запил меня (т. е. выпил за мое здоровье)» (записи из села Валкининкай, Варенайский район). Изредка встречаются тосты с расписанными в деталях пожеланиями к будущей жизни. Например, свекр пьет за здравие молодой невестки и желает ей, в том же тосте: Užugeriu tau, martele, žalią kluoną, baltą duoną, ilgą pagyvenimą, «запиваю тебе, невестушка, зеленую траву у дома (букв. «зеленую клуню»), белый хлеб, долгую жизнь» (Niemi, Sabaliauskas: 1911, № 130). Однако все же первичным является использование užgérti в контексте сватовства: о девушке, сосватанной (с твердой договоренностью и согласием), но еще не выданной замуж, можно сказать užgerta mergelė «запитая девушка». Примечательны также контексты, в которых помолвка и свадьба противопоставлены: Jau kada ažgėrė, o veseilės dãbar nesgirdi, «уже давно запили, а свадьбы не слыхать» (записи из деревни Лазунай, на территории Белорусии); о сложном и иногда очень длительном процессе сватовства свидетельствует и следующая цитата: Jis jau apsipiršo sau merginą, bet piršlybų dar nesugėrė, «он уже предварительно посватался к девушке, но помолвку еще не запил» (записи из села Южинтай, Рокишский район). Можно отметить близость последнего примера к ситуации, которая реконструируется для помолвки Каллипатейры и Каллианакта в *Седьмой Олимпийской оде* (свадьба должна была произойти много лет спустя после самой помолвки).

Аналогичный обычай «запоя невесты» или ее «пропоя» известен и русской традиции; в словаре В.И. Даля (1955: I, 614, s.v. запивать) приводятся выражения «запитая девка» (т. е. просватанная, ср. užgerta mergelė выше), «запитая дочь — не обвенчанная» (с аналогичным упомянутому выше разделением разделения «запития» в рамках помолвки и венчания, ср. uszgertuwesa ir wentczawanisties). Даль так поясняет обряд: «Запоев или пропоев этих бывает местами два или даже три: на

[30] Здесь и далее ссылки на фольклорные записи отдельных областей приводятся по LKŽ.

первом дают согласие и решают кладку и приданое, это сговор; на втором, заручины, род обручения, бьют по рукам; третий запой — девичник. Вообще свадьба должна быть через три недели после большого запоя; если же со стороны жениха выйдет неустойка, то ему вольны отказать, и он теряет кладку свою и подарки» (Даль 1955: I, 614, s.v. запивать)[31].

Подводя итоги, следует еще раз подчеркнуть, что древнегреческий обычай пить в честь кого-то на пиру (προπίνειν) находит параллель в литовских обычаях произносить тост, передавая адресату чашу (gerti с указанием направления). Особенно показательны параллели при произнесении таких тостов в контексте помолвки, где тост, помимо благопожеланий, представляет собой ритуальный жест, скрепляющий союз между двумя семьями. Схожесть этих двух применений обряда позволяет сделать предположение о большой его архаичности. Вместе с тем, следует отметить и то, что в Древней Греции изначальный вариант ритуала индивидуального тоста с передачей кубка адресату развился в симпозиальный обычай круговой чаши (φιλοτησία κύλιξ).

Литература

Athanassaki, L. 1990: *Mantic Vision and Diction in Pindar's Victory Odes*. Diss. Brown University.

Athanassaki, L. 2016: The Symposion as Theme and Performance Context in Pindar's Epinicians. In: V. Cazzato, D. Obbink, E. E. Prodi (eds.). *The Cup of Song: Studies on Poetry and the Symposium*. Oxford: Oxford University Press, 85–112.

Bezzenberger, A. 1882: *Litauische Forschungen: Beiträge zur Kenntniss der Sprache und des Volkstumes der Litauer*. Göttingen: R. Peppmüller.

Bowra, C. M. 1964: *Pindar*. Oxford: Clarendon Press.

Braswell, B. K. 1976: Notes on the Prooemium to Pindar's *Seventh Olympian Ode*. *Mnemosyne* 29, 233–242.

[31] Ср. также Даль (1955: III, 501–502, s.v. пропаивать). Примечательно, что Зеленин (2013: 472) связывал пропой невесты с пением, не с питьем: «У русских соответствующая церемония называет попой – очевидно, слово, однокоренной с 'петь' (а не с 'пить'); русское 'пропить невесту' означает 'просватать невесту'. Современное же толкование связывает этот термин уже не с пением, а с питьем вина».

Cairns, Fr. 2005: Pindar, *Olympian* 7: Rhodes, Athens, and the Diagorids. *Eikasmos* 16, 63–91.

Cazzato, V. Prodi, E. E. 2016: Introduction: Continuity in the Sympotic Tradition. In: V. Cazzato, D. Obbink, E. E. Prodi (eds.). *The Cup of Song: Studies on Poetry and the Symposium*. Oxford: Oxford University Press, 1–16.

Currie, B. 2011: Epinician Choregia: Funding a Pindaric Chorus. In: L. Athanassaki, E. L. Bowie (eds.) *Archaic and Classical Choral Song*. Berlin: Walter de Gruyter, 269–310.

Dal, V.I. 1955: [*Explanatory Dictionary of the Living Great Russian Language*].

Даль, В.И. 1955: *Толковый словарь живого великорусского языка*. Т. 1–4. М.

Dmitrieva, S. I. 2016: [Towards the Etymology and Semantics of Gk. δειδίσκομαι]

Дмитриева, С.И. 2016: К семантике и этимологии греч. δειδίσκομαι. *Индоевропейское языкознание и классическая филология* 20(1), 228–236.

Erdmann, W. 1979: *Die Ehe im alten Griechenland*. [2]New York: Arno Press.

Farnell, L. R. 1965: *Critical Commentary to the Works of Pindar*. Amsterdam: Adolf M. Hakkert.

Flacelière, R. 2002: *Daily Life in Greece at the Time of Pericles* / tr. by P. Green. London: Phoenix Press.

Forssman, B. 1978: Homerisch δειδέχαται und Verwandtes. *Die Sprache* 24, 3–24.

Gasparov, M. L. 1980: [*Pindar, Bacchylides: Odes, Fragments*]. Moscow: Nauka.
Гаспаров, М. Л. 1980: *Пиндар, Вакхилид: оды, фрагменты*. М.: Наука, 1980.

Gerber, D. E. 2003: Review A. Retter (2002). *The Classical Review* 53(1), 9–10.

Gildersleeve, B. L. 1890: *Pindar: The Olympian and Pythian Odes, with Introductory Essay, Notes and Indexes*. New York, Cincinnati, Chicago: American Book Company.

Granholm, P. (ed., tr., comm.) 2012: *Alciphron, Letters of the Courtesans, edited with Introduction, Translation and Commentary*. Uppsala: Uppsala Universitet.

Hartung, J. A. (ed., comm.) 1855: *Pindar's Werke, Griechisch mit metrischer Übersetzung und prüfenden und erklärenden Anmerkungen*. Teil 1: *Die Olympischen Oden*. Leipzig: W. Engelmann.

Henderson, W. J. 1998: Received Responses: Ancient Testimony on Greek Lyric Imagery. *Acta Classica* 41, 5–27.

Jonynas, A. 1984: *Lietuvių folkloristika iki XIX a*. Vilnius: Vaga.

Juška, A. Juška J. (eds.) 1955: *Lietuviškos svotbinės dainos, užrašytos Antano Juškos ir išleistos Jono Juškos*. T. 1–2. Vilnius: Valstybinė grožinės literatūros leidykla.

Kurke, L. K. 1991: *The Traffic in Praise. Pindar and the Poetics of Social Economy*. Ithaca, London: Cornell University Press.

Leumann, M. 1977: *Lateinische Laut- und Formenlehre*. München: C.H. Beck.

LKŽ — *Lietuvių kalbos žodynas*. URL: http://www.lkz.lt/?zodis=gerti&id=11035210021 (дата обращения: 15.03.2026).

LSJ — Liddell, H. G. Scott, R. 1996: *A Greek-English Lexicon*, revised and augmented by H. G. Jones, with the assistance of R. McKenzie and the cooperation of many scholars. Oxford: Clarendon Press.

Miralles, C. 1971: Renovación de la elegía en la época clásica. *Boletín del Instituto de Estudios Helénicos* 5(2), 13–21.

Nicholson, N. 2018: When Athletic Victory and Fatherhood did Mix: The Commemoration of Diagoras of Rhodes. *Bulletin of the Institute of Classical Studies* 61(1), 42–63.

Niemi, A. R. Sabaliauskas, A. (eds.) 1911: *Lietuvių dainos ir giesmės šiaur-rytinėje Lietuvoje Dr. A. R. Niemi ir kun. A. Sabaliausko surinktos* (*Annales Academiae scientiarum Fennicae*. Ser. B. Tom. VI). Helsinki: Suomalainen Tiedeakatemia.

Nikitinski, O. 1995–2009: s.v. propino 1. In: *Thesaurus linguae Latinae, ed. auctoritate et consilio academiarum quinque Germanicarum: Berolinensis, Gottingensis, Lipsiensis, Monacensis, Vindobonensis*. Vol. 10.2.2: *Primaeuus–Pyxodes*. Leipzig: de Gruyter, col. 2010–2013.

PMG — D.L. Page (ed.) 1962: *Poetae Melici Graeci*. Oxford: Clarendon Press.

Pouilloux, J. 1970: Callianax, gendre de Diagoras de Rhodes. À propos de la *VII*[e] *Olympique* de Pindare. *Revue de Philologie* 44, 206–14 (= *D'Archiloque à Plutarque. Littérature et réalité. Choix d'articles de Jean Pouilloux*. Lyon: Maison de l'Orient et de la Méditerranée Jean Pouilloux, 1986, 652–660).

Retter, A. 2002: *Das Prooimion von Pindars Siebter olympischer Ode: Versunch einer integrierenden Lösung von Bezugsproblemen*. Innsbruck: Institut für Sprachen und Literaturen der Universität Innsbruck.

Romney, J. M. 2025: Sip, Don't Suck: Defining 'Greek' and 'Male' via Beer, Wine and Sex. *Journal of Hellenic Studies* 145, 84–99.
Rubin, N. F. 1980: *Olympian* 7: The Toast and the Future Prayer. *Hermes* 108(2), 248–252.
Santorelli, B. 2013: Democrazia a tavola: Giovenale (*Sat*. 5), Marziale, Luciano. *Working Papers on Nervan, Trajanic and Hadrianic Rome* 1.4 (7/1/13). URL: https://arts.st-andrews.ac.uk/literaryinteractions/wp-content/uploads/2013/01/Democrazia-a-tavola1.pdf. (дата обращения: 15.03.2026).
Schmitt Pantel, P. 1992: L*a cité au banquet : histoire des repas publics dans les cités grecques*. Rome: École française de Rome.
Schmitt Pantel, P. Lissarague, Fr. 2004: Le banquet en Grèce. In: *Thesaurus cultus et rituum antiquorum (TheCRA)*. Vol. II: *Purification, Initiation, Heroization, Apotheosis, Banquet, Dance, Music, Cult Images*. Los Angeles: The J. Paul Getty Museum, 230–250.
Schwyzer, E. 1939: *Griechische Grammatik*. Bd. 1: *Allgemeiner Teil. Lautlehre, Wortbildung, Flexion*. München: C.H. Beck.
Sittl, C. 1890: *Die Gebärden der Griechen und Römer*. Leipzig: B.G. Teubner.
Tichy, E. 1976: Gr. δειδέχατο und idg. *dēḱti, déḱtoi. *Glotta* 54, 71–84.
Verdenius, W. J. (comm.) 1987: *Three Odes of Pindar*. Vol. I: *Olympian Odes 3, 7, 12, 14*. Leiden: E.J. Brill.
Vyšniauskaitė, A. Kalnius, P. Paukšytė-Šaknienė, R. 2008: *Lietuvių šeima ir papročiai*.[2] Vilnius: Mintis.
West, M. L. (ed.) 1998: *Elegi et iambi ante Alexandrum cantati*.[2] Vol. 1–2. Oxford: Clarendon Press.
Willcock, M. M. (ed., comm.) 1995: *Pindar Victory Odes: Olympians 2, 7, and 11; Nemean 4; Isthmians 3, 4 and 7*. Cambridge: Cambridge University Press.
Willi, A. 2018: *Origins of the Greek Verb*. Cambridge: Cambridge University Press.
Williams, Cr. A. (ed., comm.) 2004: *Martial, Epigrams. Book Two*. Oxford: Oxford University Press.
Young, D. C. 1968: *Three Odes of Pindar: A Literary Study of Pythian 11, Pythian 3, and Olympian 7*. Leiden: E. J. Brill.
Zelenin, D. K. 2013: [*Russian Ethnography*]. Зеленин, Д. К. 2013: *Русская этнография* / под ред. К. В. Чистова. М.